

Ивонин, В. Страницы одной жизни / В. Ивонин // Звезды подвига : На земле Афганистана / Сост. И. М. Дынин. – М.: Воениздат, 1991. – С. 187–200.

СТРАНИЦЫ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Гвардии старший лейтенант Владимир Владимирович Задорожный родился 22 августа 1955 года в городе Папа Венгерской Народной Республики в семье советского офицера. В 1972 году, окончив среднюю школу, поступил в Коломенское высшее артиллерийское командное училище.

С 1976 года служил в Воздушно-десантных войсках командиром огневого взвода, взвода управления, самоходно-артиллерийского взвода и заместителем командира батареи. В апреле 1979 года стал коммунистом.

В октябре 1983 года гвардии старший лейтенант Задорожный был направлен для выполнения интернационального долга в Афганистан. Неоднократно участвовал в боевых операциях. Его высокое профессиональное мастерство, мужество отмечены орденом Красной Звезды.

28 мая 1985 года гвардии старший лейтенант Задорожный ценою собственной жизни спас боевых товарищей. Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии старшему лейтенанту Владимиру Владимировичу Задорожному 25 октября 1985 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

У каждого человека — своя судьба. От чего она зависит? От выбора им собственного пути, который во многом и предопределяет все то, что случится с этой личностью позже.

Порою индивидуальные судьбы схожи между собой, когда их роднит одна дорога в жизни. Скажем, у тех, кто посвятил себя героической профессии защитника Родины.

Что греха таить, встречаются люди, которые завидуют этой судьбе. Чаще всего, если наблюдают ее со стороны, видят офицеров лишь на улицах наших городов в революционные праздники — в блестящей парадной форме, с золотыми погонами на плечах. С завистью рассуждают и о «раздутых» окладах, и о якобы беззаботной жизни офицеров, которые чуть ли не нахлебниками сидят на шее у государства.

Что можно ответить таким любителям позлословить?

Во-первых, праздники, отмеченные алым цветом в наших календарях, можно пересчитать на пальцах одной руки. А остальные дни совсем иной окраски. Будни. Тут уж офицер ежесуточно от подъема до отбоя стянут ремнями в полевой форме, которую называют защитной, потому что она не выделяется на фоне окружающей местности. Для чего это нужно? Пусть задумаются те, кто верит мифам об офицерском «рае».

От темна до темна продолжается обычно тяжелый ратный труд. Он известен мне не понаслышке — за моими плечами более сорока лет армейской службы. И все годы, то затихая, то снова разгораясь, подобно костру на степном ветру, идет в Вооруженных Силах дискуссия о рабочем дне офицера. Но изменений почти нет. Особенно у тех, кто находится не в штабе, а в строю. И когда страна вводила пятидневку, наши острословы невесело шутили, что у них теперь тоже два свободных дня: один — в зимнем периоде обучения, другой — в летнем...

Во-вторых, о беззаботной жизни. Ни в какой другой отрасли народного хозяйства, пожалуй, нет такого уровня ответственности у руководителей, как в армии и на флоте. Ведь им доверено самое дорогое — вся наша Родина, ее безопасность, независимость. И потому главная забота командиров любого ранга — неусыпная высочайшая боевая готовность частей, подразделений, каждого воина. Таково мерило их ноши, добровольно взятой на плечи.

Уже младший офицер — лейтенант, только что выпущенный из училища, получает под свое начало людей. Самых разных — по характеру, судьбе, национальности. От спокойного, рассудительного прибалтийца до огненно вспыльчивого кавказца. Из благополучных семей и не очень. Одни до призыва в армию успели потрудиться на заводе или в колхозе. Другие, вчерашние школьники, недобравшие конкурсных баллов при поступлении в вуз, беспечно ждали повестки, сидя на шее у сердобольных родителей. Есть и те, кто был не в ладах с законом...

Командир, приняв воинский коллектив, знает: теперь с него взыскательно спросят за каждого подчиненного в любой час по совместной службе, а не от сих до сих. Случись что в подразделении — виноват офицер: дескать, недосмотрел, недовоспитал и т. д.

Потому в гарнизонах жены зачастую сутками, неделями, даже месяцами ждут своих мужей. Ждут с учений, полетов, из дальних плаваний, затаив тревогу в сердце. Ведь даже на мирной улице человек не застрахован от неприятностей. А служба в Вооруженных Силах сплошь и рядом сопряжена с риском, порой смертельным. Потому таким уважением пользуются в армии верные боевые подруги, которые являются надежным «тылом» в длительной кочевой жизни по военным городкам, нередко очень дальним.

...Все эти размышления невольно захватили меня, когда я сидел в президиуме собрания рядом с молодой, очень милостивой женщиной — женой гвардии старшего лейтенанта Владимира Задорожного. Точнее, теперь уже вдовой. В солдатском клубе, заполненном сослуживцами Задорожного, Наталье Ивановне от имени Президиума Верховного Совета СССР вручались Грамота, орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза. Самые дорогие реликвии на память о муже — офицере-десантнике, который на земле Афганистана, спасая боевых товарищей, пожертвовал собственной жизнью. Его подвиг посмертно отмечен высшим отличием Родины.

Я долго беседовал с Натальей Ивановной. Встречался со многими начальниками и подчиненными Владимира Задорожного. И передо мной отчетливо вырисовывалась яркая судьба талантливого артиллериста, вроде бы ничем не выделявшегося среди других офицеров батареи. Это был человек щедрой души, нежный муж и отец, заботливый командир с величайшим чувством ответственности за дело, которому отдал себя до конца.

О Владимире Задорожном без малейшего преувеличения можно написать целую книгу. А пока — лишь несколько страниц.

«ПАПИНА РЕЧКА»

— Артур, проснись. Да вставай же ты, соня, прозеваешь зорьку! — тормошил Владимир четырехлетнего сынишку.

Тут не выдержало материнское сердце:

— Не трогай его, Володя! Пусть поспит малыш...

— Нет, Наташа, нельзя! Ведь он так просил взять его на рыбалку. Я согласился. Не могу же нарушить слово!

Наташа промолчала — спорить бесполезно. Таков уж Владимир — непременно сдержит обещание. Хоть в большом, хоть в малом. Давно убедилась за годы совместной жизни. И Наташа молча продолжала возиться па кухне, собирая своим мужчинам нехитрый завтрак — термос с чаем да пару бутербродов.

Наконец отцу удалось, не без скрытой жалости в сердце, растормошить Артура. Помог ему быстренько одеться. Владимир не все сказал Наташе. Да, нельзя обмануть доверие малыша. А еще ему просто очень хотелось провести этот, не столь часто выпадавший, выходной именно с сыном. Весь день — с утра до вечера.

Дети офицеров, как правило, не избалованы отцовским вниманием. Ребята спят, когда отец идет на службу, и укладываются в постель задолго до его возвращения. Это, конечно, вопреки самым искренним желаниям далеко не лучшим образом отражается на воспитании сына или дочери. Тоже издержки офицерских судеб...

А Артур вступал уже в тот благословенный возраст, когда перед ним открывался весь мир, с непонятными, порой неразрешимыми проблемами, которыми так богато детство. Мальчуган очень нуждался в твердой руке отца, его советах, разъяснениях. Вот почему Владимир старался уделять сыну больше времени.

С огромным нетерпением ждал он своего первенца. Всячески оберегал Наташу, целиком погружался и домашние хлопоты, едва выпадали свободные часы. Услышав радостное известие, примчался в роддом с огромным букетом роз. Наташа улыбалась ему в окно, по сияющим глазам мужа догадавшись, какие чувства его обуревают.

Весь досуг Владимира принадлежал теперь малышу. Они играли, втроем ходили на прогулки. Артур, когда чуть подрос, всегда предпочитал держаться за руку отца.

...Владимир с Артуром вышли из дома в предрассветных сумерках. До речки, быстрого Немана, — всего несколько сотен шагов. По примеру отца Артур крепко сжимал в руке удочку, пусть почти игрушечную, но тоже полностью оснащенную рыболовными атрибутами. Владимир ни в чем не переносил фальши.

Мальчуган зябко поежился от утренней прохлады, плотнее закутался в теплую курточку. Владимир заметил невольное движение сына, но промолчал: не надо портить парня ненужной жалостью.

В заранее облюбованном месте над водой низко нависал куст ивы с тонкими острыми листьями, усеянными, словно бусинками, мелкими каплями росы — не зря зовут в народе иву плакучей. Отец с сыном расположились рядом. Молча, деловито размотали лески, нацепили на крючки скользких, извивавшихся в пальцах червей, забросили подальше от берега. Негромко, вполголоса — не распугать бы рыбу — Артур сразу же «атаковал» отца бесконечными вопросами:

— Пап, почему вокруг поплавок круги?

— Тяни, это рыбка клюет!

— Как это — «клюет»?

— Ну, значит, ест червяка. Эх, упустил! Ну, ничего, закидывай снова...

Из-за горизонта постепенно выплывало огромное солнце, окрашивая все вокруг в нежно-розовые, серебристые тона. Таяли на глазах клочья тумана, стлавшегося над рекой. Громче зазвучало пение птиц...

— Пап, почему солнце сейчас такое большое, красное и смотреть на него не больно? А днем маленькое, жаркое... Почему рыбка серебристая?

Сотни «почему», на которые не вдруг найдешь верный ответ. Промолчать, отмахнуться — нельзя: сынишка познает окружающий мир, хочет с помощью отца проникать в его тайны. С детской непосредственностью убежден — для папы нет никаких загадок.

Незаметно бежало время. Пора возвращаться. Неважно, сколько рыбок им удалось поймать. Совсем маленьких даже отпустили обратно в реку — пусть подрастут. Главное — такое общение теснее сблизило отца с сыном.

Еще не раз приходили они вдвоем на этот берег, на то же самое место — к ивовому кусту. На всю жизнь, наверное, сохранит Артур это яркое воспоминание детства.

Позже, когда отца уже не было, Артур порой просыпался рано утром, долго лежал с широко открытыми глазами. И однажды вырвалась боль маленького исстрадавшегося сердца:

— Мама, пойдём на папину речку!

Наталья Ивановна молча кивнула, не в силах произнести хоть слово, будто чья-то тяжелая рука сдавила ей горло.

В полнейшем безмолвии текли минуты под знакомым кустом. Быстро катились воды Немана. Яркие блики солнца вспыхивали и гасли, причудливо перебегая с одной волны на другую.

— Мама, знаешь, у меня много-много друзей! — вдруг сказал Артур. — И Петя, и Миша, и Сережка... Потом еще один Сережка. А вот Артура в нашем дворе больше нет. Мам, почему у меня такое имя — Артур?

— Так тебя назвал папа, — тихо ответила Наташа. — Когда ты вырастешь, обязательно прочитаешь замечательную книгу. Ее очень любил папа. Это книга о борце за свободу народа...

— Я хочу поскорее вырасти, чтобы быть как папа...

И опять только молча кивнула Наташа, еле сдерживая подступившие слезы. Пусть не увидит их Артур.

ВОСПИТАЙ СЕБЯ САМ

Владимир — в который уже раз! — перечитывал роман «Овод». Его буквально захватывал рассказ об отважных делах сеньора Ривареса — Артура Бертоне, посвятившего всю свою жизнь борьбе за освобождение народа от иноземных захватчиков. Он по-юношески восторгался смелостью героя, его презрением к врагам и опасностям. А последние страницы, где описывались сцена расстрела Овода, прощальное письмо Джемме, всегда дочитывал словно в каком-то тумане. Сжималось сердце. И еще долго всплывали в воображении памятные эпизоды книги.

Литература, прославляющая силу духа, мужество человека, особенно нравилась Задорожному. «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фадеева... При всей несхожести судеб Артура, Павки Корчагина, молодогвардейцев он видел в их образах немало общих черт: максимализм, свойственный юности, беззаветную верность избранному пути, готовность к самопожертвованию во имя высокого долга. И, став отцом, недолго колебался, как назвать сына.

Книги были истинной страстью Владимира. Наташа уже давно привыкла к тому, что муж предпочитал их любому самому дорогому подарку. Не удивлялась, когда встречала его дома в дни

офицерской полочки с неизменной стопкой книг в руках. Ими заполнялись все полки, даже сервант, куда в других семьях помещался хрусталь.

— Зачем нам хрусталь? — недоуменно пожимал плечами Владимир. — Спиртного не употребляем, а держать бокалы ради декорации?.. Зачем?

Свою любовь к литературе Владимир сумел привить и сыну. В те редкие дни, которые отец проводил с ним, Артур обычно просил:

— Папа, почитай мне...

Все в доме тогда замирало, погружаясь в таинственный мир сказки:

За морями, за горами,

За широкими долами,

Не на небе, на земле

Жил старик в одном селе...

Книги сопровождали Владимира на всех дорогах его короткой жизни. Даже на полигон вместе с предметами первой необходимости Задорожный обязательно брал с собой тот или иной том, хотя отлично знал, что вряд ли выкроит для него свободную минуту. Там, на полигоне, или на тактическом занятии все время офицера с утра до позднего вечера безраздельно принадлежало солдатам, которые под его руководством осваивали навыки меткой стрельбы.

Сам Владимир владел этим искусством в совершенстве, заслужил репутацию мастера артиллерийского огня. Еще в школе увлекся математикой, в суворовском — самыми сложными расчетами. Потому и выбрал Коломенское артиллерийское училище, а получив диплом, выразил желание служить в Воздушно-десантных войсках.

На артиллерийских стрельбах Задорожный словно попадал в родную стихию. Легко справлялся с тем, чтобы определить точно дистанцию до цели, безошибочно вычислить угол между огневой и НП, найти нужную поправку. Все упражнения выполнял с самым высоким баллом.

Когда же устало засыпал полигон, Владимир с удовольствием вынимал из полевой сумки любимую книгу. Час-другой, проведенный за чтением, являлся для офицера живительным родником, из которого он черпал силы, заряжался бодростью на день грядущий. Словно беседовал с душевными друзьями, недостатка в которых тоже не испытывал. Следя напряженно за действиями, переживаниями героев, нередко задумывался: «Мог бы я поступить так же?» И если честно признавался: «Нет, не мог», сразу искал причину. Почему? Каких качеств ему не хватает? Докопавшись до сути, старался выработать в себе эти черты характера.

Способность к самовоспитанию старший лейтенант Задорожный стремился формировать, укреплять и у своих воинов. Горячо доказывал:

— Каждому человеку лучше, чем кому-либо, известны его слабости. А следовательно, и пути, как быстрее от них избавиться. Нужно, прежде всего, воспитывать себя самому, не ждать, пока скажется благотворное воздействие командиров, комсомольской организации...

Такие беседы вызывали у солдат и сержантов искренний интерес. Офицер невольно завоевал их расположение оригинальностью мысли, которую часто подтверждал конкретным

эпизодом, мудрыми изречениями писателей. Исключительная начитанность Владимира нередко помогала ему обретать доверие даже самых «трудных» воинов.

В одном из разговоров я услышал о характерном случае. Солдат вырос без отца. Мать, измотанная работой, магазинными очередями, домашними хлопотами, не успевала уделять сыну нужное внимание. Под влиянием улицы парень ожесточился к людям, к жизни. Свою злость неоднократно вымещал на сослуживцах, особенно младших по призыву. Очередной его проступок возмутил весь коллектив.

Старший лейтенант Задорожный, который тогда остался за командира батареи, находившегося в отпуске, пригласил солдата к себе. Словно не замечая нахмуренного, оцетинившегося вида воина, спокойно предложил:

— Садись. Тебя ведь Мишей зовут?

— Да, — почему-то хрипло произнес солдат, давно отвыкший от такого обращения, приготовившийся к чему угодно, вплоть до самого сурового взыскания, только не к участию офицера.

— Что ж ты так, Миша? — все с той же мягкой интонацией продолжал старший лейтенант. — Даже в волчьей стае не хватают друг друга зубами. А ты ведь человек. Понимаешь, че-ло-век! Да, я знаю о твоём нелегком детстве.

— Знать — еще не значит понимать.

— Почему ты решил, что я не понимаю? Мы тоже жили с матерью. И в суворовском няньки меня не опекали. Да что я...; Ты книгу «Как закалялась сталь» читал?

— Проходили... в школе...

— Ну так вспомни: Корчагин, то есть Островский, сам воспитал в себе замечательного человека. А Максим Горький? С малых лет пошел в люди, жизнь была для него жестоким университетом. И стал великим писателем, гуманистом, чье сердце переполняла огромная любовь к людям. «Человек — это звучит гордо!» Старайся воспитать в себе человека!

Взволнованность старшего лейтенанта невольно передалась солдату. Немало «душеспасительных» бесед выпадало на его долю, но никогда слова не задевали столь глубоко душу.

— Ну ладно. Подумай обо всем хорошенько. Иди...

— Куда?

— Как куда? Спать, конечно, уже поздно. Завтра у нас нелегкий день...

С тех пор переменялся солдат. Постепенно начал добрее, терпимее относиться к людям. Увлёкся спортом. Службу в армии закончил отличником, специалистом 1-го класса.

Зачастую Владимир прихватывал с собой в батарею книги из домашней библиотеки, давал их читать. Потом будто невзначай устраивал обсуждение:

— Что понравилось, почему? С чем не согласны? Вскоре артиллеристы стали самыми активными посетителями солдатской библиотеки, неизменными участниками конференций, диспутов, литературных вечеров. Горячая полемика разгорелась, к примеру, на тему о счастье.

Особенно запомнилось воинам выступление Задорожного. С внутренней убежденностью офицер призывал товарищей не жалеть времени, сил, энергии ради любимого дела, не довольствоваться сытой, беззаботной жизнью. Только такие люди ощущают подлинное счастье.

— Когда Александр Сергеевич Пушкин завершил свой роман «Евгений Онегин», он, не удержавшись от восторга, радостно воскликнул: «Ай да Пушкин, ай да молодец!» — И Владимир закончил свою речь вдохновенными стихами:

**Лишь тот достоин счастья и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!**

...А ты, лично ты, старший лейтенант Задорожный, готов идти на бой за свободу, счастье?

— Готов!

Так ответил офицер на предложение поехать для дальнейшей службы в Афганистан.

ПЕРВЫЙ ОРДЕН

Наташа с сыном гуляла в сквере. Утомившись за день, рассеянно наблюдала, как Артур возится с маленьким макетом танка в песочнице.

— Наташа! — окликнула ее вдруг соседка. — Беги скорей домой. Володя приехал!

На одном дыхании влетели они на свой третий этаж. Наташа распахнула дверь. Посреди комнаты Владимир с большим букетом роз осматривался по сторонам — куда бы его поместить.

— Папка!

Через мгновение Артур повис на шее отца, а Наташа со слезами на глазах обняла их обоих.

Чуть успокоившись, Наталья Ивановна пристально разглядывала мужа. Исхудал — это особенно подчеркивал южный загар. Неудивительно — только что из госпиталя: о ранении Владимира Наташе написал друг семьи, его командир майор Александр Нежута. Сам Задорожный словом не обмолвился — не хотел волновать...

— У тебя орден?! За что?

— Да так... было дело.

...В провинции Кабул, в ущелье Панджшер долгое время разбойничала большая банда под предводительством Ахмад-шаха: нападала на автомашины, грабила кишлаки, убивала людей. Одна из частей афганской армии вышла в рейд против душманов. Ее действия поддерживала артиллерийская батарея, в которой служил замкомбата Задорожный. Как обычно, Владимир взял на себя самое трудное — разведку.

Бронетранспортер, где занял место старший лейтенант Задорожный, двигался в голове колонны. И первым подвергся удару мятежников, устроивших засаду в самом узком месте ущелья.

Владимир, конечно, отлично знал способности вражеских снайперов. Однако чуть помедлил, прежде чем опуститься в люк боевой машины: хотелось засечь, откуда прозвучали выстрелы. И риск оправдался. Среди скал, в узкой расщелине между двумя валунами, офицер уловил короткие вспышки оранжевого пламени. Это бил крупнокалиберный пулемет.

Уже в бронетранспортере Задорожный быстро прикинул на карте свои координаты, расстояние до вражеской огневой точки, угол смещения батареи, которая замыкала колонну. По правилам артиллерийской науки в таком случае требовалось, конечно, выпустить один снаряд, с учетом места его падения внести поправку, дать второй выстрел, за ним — после дополнительной корректировки — третий... Но времени не было — колонна очутилась в зоне сильного ружейно-

пулеметного огня противника, буквально каждое мгновение людям грозила смертельная опасность.

И Владимир целиком положился на свой опыт: послал в эфир команду на артиллерийский залп всей батареей. Среди скал прогрехотали разрывы. В бинокль Задорожный ясно видел, что пулеметное гнездо душманов уничтожено.

Столь же точно определил Владимир новые целеуказания. Безошибочно исполняя его распоряжения, воины очистили ущелье от врагов, открыли дорогу товарищам.

Вскоре на груди офицера, отлично проявившего себя в рейде, засиял орден Красной Звезды.

Все это с калейдоскопической скоростью промелькнуло перед мысленным взором Задорожного, едва жена спросила о награде. Но зачем тревожить Наташу подробностями, как еще не раз назначали его старшим артиллерийской разведки, как свистели пули над головой, как ранило механика-водителя, когда вражеской очередью прошло борт бронетранспортера...

— Да, было дело под Полтавой, — улыбнувшись, повторил Владимир.

Наташа промолчала: слишком хорошо знала характер мужа.

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНАТА

Граната разорвалась совсем близко. Однако заместитель командира разведроты гвардии старший лейтенант Александр Морозов, успевший инстинктивно прижаться к стенке окопа, уткнуться в бруствер, почему-то не почувствовал удара волны, не услышал свиста разлетающихся осколков. Лишь в ушах все еще звенело.

Не поднимая головы, Морозов открыл глаза. Прямо перед ним дрожал под горячим ветром тонкий стебелек пожухлой травы, который удивительным образом вернул офицера к страшной реальности.

Александр тотчас бросился к другу. Всего каких-то десяток минут назад пришел сюда со своими солдатами Задорожный, а теперь ничком застыл на дне окопа. Одна рука подогнута под живот, другая неестественно отброшена в сторону.

— Врача! Скорее врача!

Кто-то из солдат, выйдя из оцепенения, бросился к артиллерийским позициям за медицинской помощью.

Пригнувшись к Владимиру, Морозов осторожно приподнял его голову. Машинально вынул из кармана носовой платок, бережно стер с лица друга желтую глиняную пыль. Когда наконец появился санинструктор Сергей Нестеренко, который на бегу расстегивал зеленую сумку с красным крестом, Александр закричал:

— Быстрее, быстрее!

Вдвоем перевернули Задорожного на спину. Нестеренко торопливо разорвал индивидуальный перевязочный пакет, начал разматывать бинт. Оба действовали с лихорадочной поспешностью, заглушая горькую мысль, что Владимира больше нет.

В тот день, 28 мая 1985 года, артиллеристы батареи привычно собирались в рейд, чтобы поддержать афганских боевых друзей в трудной схватке с крупной бандой душманов. Как старший офицер батареи, Задорожный построил подразделение, провел последнюю проверку перед

маршем. Солдаты уже заранее угадывали, когда старший лейтенант скажет свое традиционное: «Ну, погналы, мужики!»

— Задача ясна? Больных нет? — Завершив осмотр, Владимир внимательно оглядел воинов. — Ну что ж, тогда погналы, мужики! По машинам!..

Бой завязался в ущелье Печдара: здесь, в провинции Кунар, попали в душманскую засаду подразделения афганской армии. Уже через несколько минут Задорожный, как всегда, оказался в передовой цепи сражавшихся бойцов, откуда легче обнаруживать вражеские огневые точки. Вскоре по его командам снаряды угодили прямо в опорные пункты противника. Душманы тотчас поднялись в атаку, стремясь уйти из зоны артиллерийского обстрела. «Наверняка в банде есть зарубежные инструкторы, уж больно тактически грамотный прием», — вскользь подумал Владимир, а сам послал в эфир новые целеуказания.

На наших позициях возникло замешательство: прозвучали координаты своих же артиллерийских наблюдателей. И лишь услышав их повторно, воины поняли — Задорожный вызвал огонь на себя!

Разрывы грохотали рядом с окопом, где укрылись отважные разведчики. Едва мятежники чуть откатились, гвардии старший лейтенант решил воспользоваться паузой, чтобы отвести группу к заранее оборудованному НП: они продолжали бы корректировать стрельбу батареи из более безопасного места.

Заслоня друг друга огнем, начали отход. Первым по сигналу офицера благополучно совершил бросок вычислитель гвардии рядовой Сергей Будченко, чьи боевые заслуги в прежних рейдах были отмечены медалью «За отвагу». Спустя минуты к товарищу присоединился гвардии ефрейтор Юрий Калистратов — старший радиотелеграфист, кавалер ордена Красной Звезды. Вместе с санинструктором гвардии ефрейтором Сергеем Нестеренко Задорожный перебежал последним.

На НП десантников встретил гвардии старший лейтенант Морозов.

— Привет, Саша! — поздоровался Задорожный. — Гостей принимаете?

— Милости просим, располагайтесь, — ответил в тон другу Морозов.

Передышка длилась недолго. По-прежнему без промаха разили врага артиллеристы, получая точные данные от Задорожного. Однако теперь душманы угрожали и наблюдательному пункту. Взявшись за автоматы, воины стойко сдерживали их натиск. И все-таки мятежники, которые имели солидное численное преимущество, постепенно приближались.

Внезапно одна из гранат скатилась с бруствера прямо в окоп — под ноги Владимиру. Что подумал офицер в последнюю секунду своей жизни? Ведь понимал: до взрыва — мгновение. Нагнуться, выбросить гранату уже не успеть.

Кто знает, какие мысли пронеслись в голове Задорожного? О неминуемой гибели боевых друзей — Морозова, Будченко, Нестеренко, Калистратова? О собственной смерти? Или о том, что граната совсем рядом с ним?

— Эх, мужики!

Десантники разом оглянулись на громкий голос Владимира. Упав на дно окопа, офицер закрыл гранату собственным телом.

С того дня — 28 мая 1985 года — батарея, в которой служил гвардии старший лейтенант Задорожный, неоднократно пополнялась молодыми солдатами. Новобранцы, отслужив срок, уходили отсюда опытными, возмужавшими воинами, готовыми надежно защитить Родину от любого врага. И каждый вечер перед их строем старшина батареи начинал переключку:

— Гвардии старший лейтенант Задорожный!

— Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Задорожный пал смертью храбрых при выполнении интернационального долга в Афганистане! — торжественно звучал голос правого фланга.

Так будет всегда. Приказом министра обороны СССР Герой Советского Союза Владимир Задорожный в списки родной артиллерийской батареи зачислен навечно...